

«Сделка с властями мне не нужна»

Окончание. Начало на стр. 1

— В чем же ваши аппетиты?

— У меня есть амбиции: хочется сделать хорошую пластинку, хочется хороших музыкантов. А вот реакция прессы меня интересует меньше. Терпеть не могу смотреть себя по телевизору. Видите, как удобно все складывается.

— Но ведь любой музыкальный проект требует финансовых вложений?

— Да, мой проект самоокупаем, и достаточно давно. С тех пор, как я отдала долг, а это случилось через три месяца после того, как вышел первый альбом, я ничего ни у кого никогда не брала.

— А долг кому вернули?

— Людям, которые вложили деньги в мои первые записи. Леонид Бурлаков (бывший продюсер «Мумий Тролля» — «НИ») и «тролли» в свое время вызвали меня из Уфы и записали мне альбом.

— Вы сейчас с ними общаетесь?

— Конечно. И с Бурлаковым, и с Ильей. Безусловно, у меня с ними масса музыкальных соприкосновений, но прежде всего у нас уже сложились человеческие отношения.

— В одном из интервью вы назвали часть своих песен конъюнктурными. В моем представлении конъюнктура — это то, что делает Леня Агутин, который второй год никак не успокоится с песней про границу...

— Вы путаете, это соцзаказ. А употребляя слово «конъюнктура», я имела в виду большой компромисс при написании песен, чем обычно я себе позволяю. Очень показательная ситуация с первым альбомом. Я выслала Бурлакову много песен, а он говорит: «Все хорошо, но нам не хватает хита». Тогда я не понимала, почему мы не можем выпустить пластинку, мне казалось, что все хорошо... Я написала песню «СПИД» (первая песня Земфиры, появившаяся на радио. — «НИ»), спросила: «Это хит?» Он: «Безусловно!» Вот это я и называю конъюнктурным решением вопроса.

— В сентябре вы стали студенткой философского факультета МГУ. Как прошел первый семестр?

— Неровно. Вначале я посещала занятия аккуратно, а где-то с ноября перестала, потому что занялась выпуском альбома. Пришлось перенести сессию, но сейчас все в порядке, потихоньку сдаю экзамены с теми, кто провалил те или иные предметы.

— Не жалеете, что поступили?

— Нет. Уже поздно об этом жалеть. Если бы у меня были какие-то мысли, что я хочу приобрести профессию философа, а потом вдруг на пятом курсе я подумала: «на фиг мне эта профессия»... У меня ведь есть другая профессия, которая, слава богу, совпадает с призванием, и я пошла в МГУ совершенно по другим причинам.

— По каким же?

— Мне интересно учиться. Слушать лекции. Не все, безусловно, но интересно послушать умных людей, потому что во всей этой музыкальной тусовке, в музыкальном мире редко можно услышать разговоры, скажем, о Шопенгауэре. Все беседы достаточно предсказуемы. Музыка, музыкальные партии, пиар-кампания, пластинки, города, гастроли — все. И какие-то истории, связанные со всем этим. Узкий диапазон. А мне захотелось заняться самообразованием за счет университета. Лучшего в стране, между прочим.

— Но все-таки это довольно сложно. Сессия в МГУ — не шутка...

— Конечно, сложно, а кому легко сдавать сессию? Там достаточно большой разброс предметов, от высшей математики до истории зарубежной философии. Я предполагала, что будет непросто. Ко мне относятся лояльно, но я бы не назвала это поблажками.

— Многих музыкантов, особенно питерских, угнетает столичная суэта. Вы не из таких?

— Мне здесь нравится, иначе я бы здесь не жила. По-моему, эти разговоры про Москву и Питер идут уже по инерции. Питерцы недовольны москвичами, москвичи — питерцами, а мне, человеку из Уфы, все кажется замечательным. Действительно, в Питере жизнь поразмереннее, там предпочитают таблетки алкоголя, это давно известно. Москва более деловая, Питер более романтический, но мне и там, и там хорошо.

— На родине бываете?

— Да, где-то раз в полгода приезжаю к родителям.

— Почему-то вспомнилось, что певице Алсу дали в 17 лет заслуженную артистку Татарстана...

— Скорее, ее отцу. Давайте называть вещи своими именами.

— Вас в Башкирии на официальном уровне так не холят и не лелеют?

— Вообще ни на каком уровне не холят и не лелеют, но ко мне очень хорошо относятся в городе Уфе, и было бы странно, если бы было иначе: я очень люблю свой город. А отношения с властями... Мне это не нужно. И потом, вряд ли власть сама придет к товарищу Алсу и скажет: «Товарищ Алсу, давай-ка мы дадим тебе заслуженного артиста». Наверняка там были какие-то переговоры, какая-то сделка произошла между артистом и властями. Мне не очень нужны сделки с властью, вполне достаточно сделать это с рекорд-компанией. Влезать не в свои области не хочу. Потом еще отрабатывать этого заслуженного артиста... Да и не вижу разницы между заслуженным и не заслуженным артистом.

— Президент Башкирии Муртаза Рахимов с вами не общался?

СПРАВКА

Земфира РАМАЗАНОВА родилась в Уфе 26 августа 1976 года. В пять лет поступила в музыкальную школу. В семь — сочинила первую композицию. В детстве и юности занятия музыкой совмещала с игрой в баскетбол. В начале 90-х Земфира стала капитаном юношеской женской сборной России по баскетболу. По окончании школы оказалась перед выбором: музыка или спорт. Выбрала музыку и поступила сразу на второй курс Уфимского училища искусств, которое окончила с красным дипломом по специальности «эстрадная вокалистка». С 1996 года работала на уфимской радиостанции «Европа плюс» звукооператором и диджеем. В 1998-м организовала рок-группу «Земфира». Первый большой концерт состоялся на празднике Дня города в Уфе. Первый альбом Земфиры и ее группы вышел в 1999 году.

— К 25-летию он мне прислал поздравительную телеграмму.

— Но лицом Башкортостана вы так и не стали?

— Мне как раз кажется, что я ассоциируюсь с Башкортостаном. Власть это четко понимает, просто мы не целуемся при встрече. Меня устраивает эта дистанция и их, видимо, тоже.

— С властями рангом ниже вы обычно не церемонитесь. По телевизору в свое время смаковали эпизод, когда в Киеве милиционеру, который попытался прервать концерт, вы стукнули по голове...

— Это был частный случай. Представляете, если бы я в каждом городе милиционерам по шапке давала? Думаю, я бы недолго ходила на свободе. Было недоразумение, которое возникло между организаторами и властями, в которое я оказалась втянута. Была безобразная организация, и случился такой инцидент.

— Раз уж заговорили о государстве, любопытно узнать, как вы относитесь к последним антинаркотическим акциям? То за эмблему марихуаны на одежде задерживают, то книги сжигают...

— Я считаю это глупостью. Да, Госнаркоконтроль в последнее время шумит. Кстати, говорят, у них в штате 40 тысяч человек. Но прилюдное сжигание книжек — это ерунда. Большие дилеры все равно остаются нетронутыми. Не удивлюсь, если выяснится, что эти самые дилеры и субсидируют Госнаркоконтроль, чтобы они ходили и жгли книжки. Наверное, у людей, которые сидели и писали программы, есть свои аргументы, и мое мнение в масштабах государства ничего не меняет, но кажется, весь крик, который поднялся в последнее время — нарочито отвлекающий.

— Прошло больше пяти лет, как страна узнала Земфиру. Вы задумываетесь о том, что будет еще через пять лет?

— Мне, конечно, любопытно посмотреть на себя в 33 года, но скорее я отношусь к тем людям, которые берут все по максимуму от настоящего, ибо мне постоянно нужна эмоциональная пища. Наверное, я сойду с ума, если буду планировать на пять лет. Я даже не знаю, буду ли я гастролировать. Может, да. А может, нет.